

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №4, Том 11 / 2020, No 4, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/27SCSK420.pdf>

DOI: 10.15862/27SCSK420 (<http://dx.doi.org/10.15862/27SCSK420>)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Денисова Г.С. Социальная справедливость в межэтнических отношениях // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/27SCSK420.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/27SCSK420

For citation:

Denisova G.S. (2020). Social justice in inter-ethnic relations. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/27SCSK420.pdf> (in Russian) DOI: 10.15862/27SCSK420

Статья подготовлена в рамках выполнения Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. по проекту «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России» (Соглашение № 075-02-2020-2172 от 25.08.2020, г. внутренний номер ДГП0708/20-01ПГ)

УДК 316.4

ГРНТИ 04.21.51

Денисова Галина Сергеевна

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия
Институт истории и международных отношений

Профессор кафедры «Специальных исторических дисциплин и документоведения»

Доктор социологических наук, профессор

E-mail: gsdenisova@sfedu.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=76864

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=7006195531>

Социальная справедливость в межэтнических отношениях

Аннотация. Статья посвящена анализу справедливости как универсальной ценности, определяющей измерение социальных практик во всех сферах жизни общества. Но изучение такой оценки общества в сфере межэтнических отношений сталкивается с рядом теоретических проблем. Авторы показывают, что при оценке межэтнических отношений по критерию справедливости в силу неоднозначной интерпретации их смысла, требуется опора на междисциплинарный подход. Важным направлением такого анализа выступает соотнесение теоретического понимания этничности и практики государственного строительства в условиях культурного разнообразия населения. Показываются две стратегии достижения справедливости в сфере межнациональных отношений: конструирования советских этнонаций и конструирование российской нации с обеспечением гражданских прав в сфере реализации этнокультурной идентичности и обеспечения условий развития этнокультурного многообразия.

Ключевые слова: социальная справедливость; межэтнические отношения; этнокультурная идентичность; этнополитика; межэтнический контракт; гражданские права

Введение

Динамика изменения сферы межэтнических отношений в России на протяжении XX–XXI вв. отражена в большом количестве официальных государственных и партийных

документов, а также в массе исследований. Решение национального вопроса было одним из стратегических направлений деятельности советского правительства. Сам национальный вопрос рассматривался комплексно: как реализация права наций на самоопределение и создание национальной государственности в границах союзного государства; и как преодоление неравенства социально-экономического и культурного развития народов. Этот подход рассматривался как справедливое решение национального вопроса. Достижения государственной политики в этом направлении были зафиксированы в Конституции СССР 1977 г. как успешное разрешение национального вопроса «в том виде, каким он достался от Российской империи». Однако распад СССР и «парад суверенитетов» в России в 90-е годы проходили под лозунгами поиска новых способов решения национального вопроса. Эти процессы свидетельствовали о том, что сформировалась социальная необходимость для пересмотра условий общественного договора, заключенного в 20-х годах на предмет взаимодействия различных народов в рамках единого политического пространства. Массовые протесты, которые сопровождали обсуждение этих вопросов в начале и в конце XX в., демонстрировали тот факт, что они воспринимались на эмоциональном уровне и затрагивали глубинные пласты ценностного сознания людей, оценивались ими по шкале «справедливость – не справедливость». Конституционное учреждение (1993 г.) специфической формы федеративного устройства в России, при которой сохраняется несколько типов субъектов федерации, в том числе, созданных по этнотерриториальному принципу, а также утверждение позже в республиках разностатусности этнических групп на уровне неформальных институтов не оставляют сомнений в том, что в скором времени вновь на политической повестке актуализируется оценка межнациональных отношений с позиции их справедливости. Признание того, что справедливость как регулятивный принцип и ценность пронизывает все стороны социальных отношений, тем не менее не снимает вопроса о корректности этого подхода к сфере межэтнических отношений. Это объясняется неоднозначностью понимания этноса и переоценкой вектора национальной политики СССР, реализация замысла которой вызвала распад единого политического пространства. К тому же, понимание социальной справедливости также подвижно. Применение этого ценностного подхода к сфере межэтнических отношений требует ряда теоретических уточнений.

Обзор литературы

Заявленная проблема имеет межпредметный характер: она изучается историками, рассматривающими динамику национальной политики; она изучается политологами, анализирующими конфликтологический потенциал межэтнических отношений. Для каждого из этих подходов свойственен свой язык описаний и анализа, своя предметная область. По каждому из этих направлений накоплен большой пласт исследовательской литературы, которая, тем не менее, непосредственно не рассматривает вопросы справедливости найденных решений регулирования межэтнических отношений. Это объясняется уже тем, что проблематика справедливости социальных отношений в целом обсуждается в рамках философского анализа как этическая категория [1; 2]. И здесь также накоплен большой и многоуровневый пласт исследований: от осмысления справедливости как фундаментальной ценности русской культуры до выявления смыслового наполнения понятия «справедливость» в концептосфере русского языка. В конце XX в. в процессе теоретического и идеологического обоснования перестроечных реформ происходит осмысление взаимоотношения справедливости и права, а также применение справедливости к оценке социально-экономических отношений. Специально можно выделить работы А.В. Прокофьева, выдвинувшего интегративную концепцию межкультурной справедливости, которая обосновывает идею необходимости культурного признания для сохранения единства и стабильности общества» [3].

В ряде исследований социологов [4–6] было показано этическое измерение социально-экономических отношений, поскольку в них выявлялись отношения равенства-неравенства, формальная и неформальная занятость и пр. На развитие этого подхода оказали большое влияние публикации зарубежных ученых, которые значительно позже были введены в массовый оборот российской науки. Здесь следует указать на работы Дж. Роулза, который выделил основные подходы к интерпретации справедливости, пронизывающей все сферы социальных взаимодействий; обосновал тезис об индивидуальной модели социальной справедливости, которую конструирует каждое общество и которая выступает ориентиром для социальных и политических преобразований; а также сформулировал концепт справедливости «как честности» [7]. В работах социологов показывается справедливость как средство обоснования важнейших ценностей того или иного общества – свободы и равенства для одного; порядка и солидарности – для другого и пр. В обобщающих работах А.Б. Гофмана показана тенденция социологизации теоретического дискурса справедливости, который ранее носил преимущественно социально-этический характер, и эвристичность данного подхода к анализу социально-политических процессов [8]. Он, а также Л. Ионин, выявили справедливость как своеобразный триггер, запускающий механизм мобилизации, самоопределения и становления субъектности различных меньшинств [9].

При всем многообразии выделенных направлений исследований специальных работ, непосредственно анализирующих проявление принципа справедливости в сфере межэтнических отношений, немного. Здесь можно выделить коллективную монографию под руководством А.М. Дробижевой, в которой проводится сравнительный анализ объективных характеристик равенства/неравенства этнических групп, и сравнительный анализ их представлений о справедливости и влияние этих ценностей на установки, преимущественно в сфере труда [10]. Несколько иной аспект акцентируется в работах Файзулина Ф.С., рассматривающего межнациональные отношения сквозь призму неравенства этнических групп, а также через их статусные позиции [11]. Полиэтнический состав России, конфликты и латентная напряженность в сфере межэтнических отношений, которые активно использовались различными политическими акторами в революционном процессе начала XX в. и в период системного кризиса СССР в конце XX в., обуславливают ожидание массы аналитических исследований, вскрывающих технологии мобилизации протестной активности с апелляцией к справедливому разрешению назревших проблем в сфере межэтнических отношений. Однако систематизация публикаций по вопросам социальной справедливости в этой сфере показывает, что количество исследований, где в названии использовалось бы понятие «справедливость» невелико. И эта ситуация позволяет предположить, что данная проблема осмысливается в другом тезаурусе. И этот вывод подтверждает тезис о том, что попытка применить принцип справедливости к анализу межэтнических отношений обнаруживает недостаточную прозрачность выделения предмета исследования. Она окутывается сложностью межпредметного характера анализа социальных практик, которые неоднозначно интерпретируются наукой. За этой неоднозначностью нам видятся определенные точки теоретического напряжения, которые требуют своего прояснения.

Результаты исследования

О многослойности понимания справедливости. Проблематика социальной справедливости привлекает внимание отечественных мыслителей и ученых на протяжении веков. Представители русской философской мысли рассматривали справедливость как одну из базисных ценностей русской культуры. Трудно переоценить значение справедливости как мотива различных протестных народных движений в России, хотя далеко не всегда действующие субъекты использовали это понятие. В социалистический период развития

страны экономические и социальные успехи советского народа также осмысливались в коннотации справедливости. Анализ постсоветских социально-экономических преобразований и политического реформирования также латентно, в бэкграунде, соотносился с принципом социальной справедливости. Тем самым социальная справедливость, представленная на уровне социально-политических манифестов или документов различных движений (позже – политических партий), а также в философских и аналитических работах предстает как обоснование модели наилучшего общественного устройства. Популярность поисков этого рода объясняет огромный пласт исследовательской литературы, которая непосредственно посвящена вопросам социальной справедливости или затрагивает рассмотрение этой темы в том или ином аспекте. Аналитический обзор отечественных научных публикаций по этой теме за период 1990–2010 годов представлен в работе И.П. Поповой, которая акцентирует внимание также на широком обсуждении в российской научной среде либеральных концепций социальной справедливости, степени их приемлемости для российского исторического опыта и российской действительности [12]. Приведенная автором группировка монографий и научных статей, рассматривающих вопросы социальной справедливости в постсоветский период, свидетельствует о слабой разработанности этой проблемы применительно к регулированию межэтнических отношений.

Действительно, если исходить из содержания понятия «справедливость», то в нем заложено представление о равенстве субъектов (индивидов или социальных групп) или представление о равном соотношении вложенных усилий и полученного блага (воздаяния). Справедливость относится также к числу базисных ценностей русской культуры, укоренена в традиции общества, выражена в принятых формах словоупотребления (концептосфере языка), в рамках которой происходит социализация индивида. Поэтому понятие справедливости индивид принимает как сложившуюся данность, а не как нормативное правило. «Это *чувство справедливости* (выделено Н. Печерской), которое формируется в процессе социализации и которое детерминирует наши предрасположенности в отношении оценки справедливости того или иного действия, лежащие в основе любых рациональных процедур и обоснование справедливости. Согласие, к которым приходят люди, – это, прежде всего, не согласие их мнений, а согласие их форм жизни» [13]. Этот акцент показывает специфику справедливости в русской культуре, отраженную в языке: справедливость можно *чувствовать*, даже без рационального ее определения. Поэтому оценка ситуации с позиции справедливости всегда задевает эмоциональную сферу человека, эмоционально заряжена и обладает мощным мобилизационным потенциалом.

В большинстве исследований, не зависимо от фокуса анализа справедливости, обращается внимание на различие ее трактовок в разных культурах и на динамику ее интерпретации в процессе исторических изменений [2]. Так, русская философия первой половины XIX в. зафиксировала распространенные представления о справедливости как «правильности», которая включала в себя принцип воспроизводства традиции, стремление не к равенству, а к единению по типу патриархальной семьи; противопоставление справедливости как обычного права писаному закону. Но по мере развития капиталистических отношений, разрушения крестьянской общины, вовлечение в городской быт больших масс людей в рассмотрении справедливости акцент смещается на понимание справедливости как равенства индивидов и перераспределения материальных благ [13].

Анализ современного использования понятия справедливости в национальном корпусе русского языка показывает его сочетание с самыми разными понятиями: истиной, верой, законом, правом, честью и честностью, равноправием и любовью. А также ее восприятие в качестве высшей ценности и в качестве активного начала: справедливость устанавливается, вершится и торжествует [14]. Выявление коллективных представлений в этой сфере свидетельствует о том, что в настоящее время доминирует нравственное понимание

справедливости как честных отношений между партнерами, ответственности за взятые обязательства, следование правде; на это указали треть респондентов при проведении в 2020 г. массового опроса по репрезентативной общероссийской выборке. Существенно реже встречается соотнесение справедливости с законом (7 %) и с равноправием (6 %). Еще 6 % рассматривают справедливость как должное воздаяние¹. Иными словами, частотность употребления понятия «справедливость» в русском языковом сознании, которая фиксируется социолингвистами, и коллективные представления о справедливости, выявленные при опросе общественного мнения, свидетельствует об одновременном присутствии в лингвосфере общества различных представлений о справедливости, сложившихся на протяжении последних столетий. Справедливость может восприниматься какой-то частью общества как следование правде, содержание которой часто не рационализировано, но «чувствуется»; но она также может восприниматься какой-то частью общества и как следование закону, соответствие или нарушение принципа равноправия, которые рационально объясняются и доказываются. Эти интерпретации могут совмещаться и расходиться в границах одного политического пространства. Описанная ситуация совпадает с тем, что фиксировалось еще в начале XX века: России свойственна многоукладность, которая сохраняется не только в экономике, но и в социальных отношениях, а потому – в коллективных представлениях и в языке.

Межэтнические отношения как сфера регулирования. Сфера межэтнических отношений стала рассматриваться как специализированная область регулирования со стороны государства сравнительно недавно. В России эта проблема возникла в связи с распадом политической организации империи при военно-политическом удержании территории, населенной культурно разнообразным и поликонфессиональным населением. Эта ситуация определила необходимость организации совместной жизни в одном политическом пространстве культурно различающихся сегментов населения. Советская Россия на этот вызов ответила политикой активного культурного и государственного строительства, адресованной всем этнокультурным общностям, рассматриваемым как исторически сложившиеся социальные группы. Такая политика соответствовала политической программе большевиков, адресованной «угнетенным народам».

Форсированное строительство политических институтов по этническому принципу (политика «коренизации»), создание письменности для большого количества этнических языков, выравнивание культурного развития народов, создание слоя гуманитарной и научно-технической интеллигенции – все эти направления рассматривались как реализация справедливости в межэтнических отношениях. Тем не менее, эти отношения по умолчанию рассматривались как иерархические, определялись в понятных образах патриархальной семьи с народами – «братьями», республиками – «сестрами». Этот подход соответствовал также и коллективным представлениям русского большинства СССР и других народов, оформившихся в те или иные государственные образования в рамках СССР. Данная политическая практика соответствовала традиционным представлениям о справедливости как «правильности», ориентирующей на сохранение единства даже при значительных различиях и расхождениях, как в патриархальной семье; а также на сохранение иерархии народов в качестве нормативного порядка. В латентной форме основанием для статусной позиции в иерархии выступали ресурсы народа – его демографический потенциал, масштабы исторической территории расселения («этногенеза»), геополитическое положение этой территории, исторический опыт государственного строительства, древность народа. При этом значение данных ресурсов не вербализировалось в публичном пространстве и не фиксировалось в качестве основания для юридического утверждения политического статуса народа (как союзной или автономной

---

¹ Фонд общественного мнения, 21.10.2020. Понятие «Справедливость». [Электронный ресурс]: www.fom.ru; http://bd.fom.ru/report/map/az/0-9/86_5266/dd002730.

республики, или национального района). С точки зрения коллективных представлений первой половины XX века эта ситуация также воспринималась адекватно, не разрушала сложившуюся традицию, т. е. рассматривалась как «правильная», не требующая специального утверждения в юридических документах. В этом же контексте воспринималась позиция русского народа как донора для экономического, политического и культурного развития других народов СССР. Русские традиционно позиционировались как «старший брат», они инициировали революционные преобразования и разрушение привычного уклада жизни различных народов. Поэтому ответственность за такого рода преобразования также «по-справедливости» лежит на русских. Такое мироустройство СССР и России как его составной части соответствовало в то время представлениям об идеальном устройстве нового общества, которое формировалось в границах многонациональной империи.

Многочисленные монографии и теоретические статьи советского периода по вопросам национальной политики были ориентированы на показ ее реальных (и имитационных) успехов, которые демонстрировали динамику социально-профессиональной структуры различных народов, рост уровня образования и пр., то есть выравнивание социально-экономического и культурного статуса народов. Другим предметом исследований было доказательство тенденции культурного сближения и интеграции народов. Тем самым, принцип справедливости в сфере межэтнических взаимодействий регулировал перераспределение различных ресурсов для обеспечения тенденции выравнивания позиций народов в экономическом и социокультурном развитии. В реальной практике эти усилия проявлялись как целенаправленное конструирование советских этнонаций.

Выбранная стратегия нациестроительства обернулась распадом СССР по линиям союзных республик как отдельных этнонаций. Значительной частью политических элит этот процесс был воспринят как естественный акт самоопределения наций (интерпретируемых в онтологическом смысле), вызвав дальнейшее усиление нациестроительства во вновь образованных суверенных республиках и его побочный продукт – межнациональные конфликты, языковую сегрегацию, сепаратизм и пр. При этом все обособляющиеся республики в лице официальных органов власти и лидеров оппозиционных движений и партий обосновывали свое стремление к суверенизации как справедливое требование, гарантировавшее культурное воспроизводство этнонации, а также достижение оптимального баланса вложенных нацией ресурсов и полученного блага (воздаяния). Большинство республиканских элит рассматривали механизм формирования бюджета СССР как несправедливый, особенно акцентировали внимание на этом представители национальных движений. Они рассматривали обретения суверенного статуса как необходимый шаг, обеспечивающий рост благосостояния населения. (На языке улицы это выражено в лозунге: «Хватит кормить Москву/Кавказ/Азию и т. д.»). Этот процесс захватил также и РСФСР. Поправками к Конституции РСФСР в 1989 г. в Верховном Совете РСФСР была учреждена вторая палата – Совет национальностей, – которая в первую очередь рассматривала «вопросы обеспечения национального равноправия интересов наций, народностей и национальных групп в сочетании с общими интересами и потребностями советского многонационального государства». Характерно также и название депутатской группы, созданной на Первом и единственном съезде народных депутатов России в мае 1990 г. – «Суверенитет и равенство».

Иными словами, сложившийся иерархический тип межэтнических отношений был переоценен с позиции нового понимания справедливости, как равноправия этнонаций, а также баланса ресурсов и воздаяния. Важным фактором фреймирования этого процесса как движения за национальное самоопределение и суверенитет стала его поддержка рядом представителей западной науки, рассматривавших СССР как «последнюю империю». По воспоминаниям академика В.А. Тишкова, «часть западных антропологов и политологов с позиций кондового примордиализма приветствовала и оправдывала радикальный этнический национализм и

вооруженный сепаратизм в СССР и в новой России, если только он был направлен против status quo и центральной власти. Действия вооруженных террористов в Чечне трактовались как восстание «примордиальной нации» и сравнивались с поведением античных героев» [15].

Конституционное оформление России как федеративного государства в 1993 г. вызвало большие дискуссии по проблеме политической представленности ее многонационального состава. (Отметим, что Верховный совет РСФСР, включая Совет национальностей, был распущен Указом Президента России Б.Н. Ельцина). В этой дискуссии нашли отражение сложившиеся представления о примордиальной природе этносов, которые спроецировались на политическое представительство народов в высших органах власти в разных вариантах, – фиксирование правового статуса народов в федеративном договоре или в Конституции России. В этих политических баталиях все же утвердилась концепция единого многонационального народа России. Тем не менее в России была создана особая форма федерации с утверждением доминирования принципа единства регионов, а не их равноправия: регионы (субъекты), которые разнообразны по типу, находятся в *составе* РФ, а не создают ее путем объединения. Сохранился также и этнотерриториальный принцип формирования значительной части субъектов РФ (хотя понятие «национально-государственное устройство» удалось избежать), а также не равная доля финансовых вложений субъектов в консолидированный бюджет РФ. Противоречивость достигнутого результата проанализирована в работе непосредственных участников этого процесса [15].

Расширение полномочий регионов и обретение относительной политической автономии в рамках РФ сопровождалось переходом к рыночным принципам функционирования экономики, банкротством большинства предприятий и разрывом прежних экономических связей регионов. В этих условиях de facto во всех сферах социальной жизни утверждается другое понимание справедливости, предполагающее отказ от принципа патернализма. Но происходит еще одно крупное событие интеллектуальной жизни, вызвавшее мировоззренческую подвижку, которая потребовала изменения концепции организации государства с культурно разнообразным населением: в достаточно долгой теоретической дискуссии ученых произошел отказ от примордиального подхода в этнологии, включая теорию этноса Ю. Бромлея. Но именно эта теория выступала теоретическим обоснованием нациестроительства как исторического этапа становления этноса, доказывала онтологическую природу этноса. С большим трудом концепт «нация» стал наполняться гражданско-политическим пониманием. Его распространению в сфере публичной политики способствовало введение в официальный оборот понятия «российская нация» Президентами Путиным В.В., Медведевым Д.М. Привнесение в государственное строительство России идеи этничности как культурной идентичности стало важной теоретической основой для вытеснения из системы государственного управления терминов с определением «этно-» и заменой их понятийным аппаратом регионального управления. Во всех государственных документах изменилось содержание понятия «нация», «национальная политика», теперь оно стало использоваться применительно к интересам и приоритетам страны, ее многонационального народа. При этом важным направлением государственной политики является сохранение и поддержание языкового и этнокультурного многообразия – этнокультурная политика.

Общим трендом этих изменений является деполитизация этничности. Самоопределение как механизм обеспечения права гражданских и этнокультурных общностей на выбор самостоятельных путей национального и культурного развития сохранялся в форме территориальных образований (республик) и экстерриториальных национально-культурных автономий (НКА). Эти концептуальные идеи, выработанные в 90-е годы и первое десятилетие XXI (нулевые годы) были закреплены в Стратегии национальной государственной политики РФ, принятой в 2012 г. Но базовой платформой, обеспечивающей реализацию этих подходов, в Конституции утверждалась приоритетная ценность обеспечения гражданских прав личности.

С этой позиции по сути переформулировался «национальный вопрос»: теперь его решение рассматривается в двух аспектах: как обеспечение прав личности реализовать свою этнокультурную идентичность и как обеспечение прав граждан развивать этническую культуру, создавать этнокультурные организации, иметь форму политического представительства в органах власти и самоуправления и выступать с законодательными инициативами (НКА). Справедливость в этом контексте – обеспечение гражданских прав на сохранение и воспроизводство этнических культур во всем их многообразии.

Такие кардинальные изменения в политическом сознании общества утверждаются постепенно на протяжении последних двух десятилетий и являются результатом целенаправленной государственной политики. Она реализуется по различным направлениям: выравнивание правового поля всех субъектов федерации, исключение из официального языка понятийного аппарата этнонационализма; реализация единых стандартов исторического и языкового (русского языка) образования; инвестиционная поддержка развития этнических культур; утверждение общего исторического повествования о становлении России, о знаковых датах формирования российского государства, об общей причастности к его развитию всех народов страны. Выстроена также общая символическая платформа для российской идентичности – единая система государственных праздников, создание масштабных событий для укрепления «Мы-идентичности» и др.

Вместе с тем политическая практика с трудом переходит на новый концептуальный подход. По оценкам В.А. Тишкова, который является членом президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, российская социально-политическая действительность «целиком основана на концепте этнонационального государственностроительства при существующем и верхушечно контролируемом этническом национализме» [16]. По-прежнему в политической практике, особенно в республиках, акцентируются этнические различия. В этих условиях «начинают действовать особые практики, факторы, аргументы и эмоции... проявляются особые закономерности в поведении разных сообществ, их элит и отдельных личностей» [16].

Справедливость «межэтнического контракта» 90-х годов: новая линия раскола. Воспроизводство этих практик обеспечивается сохранением этнической специфики республиканского сегмента субъектов федерации, что позволяет использовать этничность как весомый аргумент во взаимодействии с федеральным центром для получения определенных преференций. На роль политических элит в консервировании этногосударственности в любой форме обращали внимание такие зарубежные исследователи, как Дж. Ротшильд [17] и Р. Брубейкер [18]. Но этничность используется элитами и как фактор построения политического пространства внутри республик. Об этом свидетельствует анализ этнического состава исполнительных и законодательных органов власти и всего профессионального слоя управленческих кадров на республиканском уровне. Законодательные нормы таких преференций были аннулированы, но они остались на уровне неформальных договоренностей, в нарезке избирательных округов и в других практиках. В полиэтничных республиках с несколькими «титовыми» народами на уровне неформальных договоренностей сформировался раздел министерских портфелей между представителями разных народов, который приобрел институциональную форму. В основу таких распределений также положен ресурсный принцип (численность, консолидированность и др. номинально выделенных этнических групп) [19]. Эти условия позволяют консервировать этноклановость, оказывать преференции «своим» при решении экономических вопросов, особенно – вопросов аренды и собственности земли. Эти практики закрепились в Карачаево-Черкессии, Дагестане, Кабардино-Балкарии. Следует обратить внимание на то, что в республиканских элитах существует консенсус по этому вопросу [20]. Его можно назвать «межэтническим контрактом». Основным регулирующим механизмом при этом выступает соблюдение межэтнического

баланса «в верхах» [21]. Иерархия по этническому принципу оправдывается апелляцией к ценностям мира и сохранению единства региона. При этом вспоминаются межэтнические конфликты в регионе в 90-е годы, нацеленные на территориальные разделы многосоставных республик. Таким образом, на уровне республик политическая элита воспроизводит понимание справедливости в интерпретации традиционного сознания: поддержка традиции, важным элементом которой является иерархия этнических групп, что обеспечивает сохранение баланса сил; установка на поддержание единства по типу патриархальной семьи («семьи народов»); следование неформальным договоренностям в противоположность конституционному праву.

Трактовка этничности как группы в духе традиционного советского примордиализма сохраняется также среди республиканской творческой интеллигенции и ученых-гуманитариев. Исследователь межэтнических процессов из Кабардино-Балкарии А.Х. Боров отмечает, что понимание этнокультурного содержания этничности и деполитизация этничности вполне эффективно реализовалась на уровне федеральной власти. «Но это делалось без открытого провозглашения ее конструктивистских концептуальных оснований, которые в открытом виде присутствуют только в научном дискурсе. В остальных сферах концептуальные и массовые представления и мифы «примордиализма» и «национальной государственности» отдельных народов России по-прежнему доминируют. И в этом потенциальная слабость и «обратимость» достигнутых ею [федеральной политикой] результатов» [22]. С ним соглашаются другие ученые северокавказского макрорегиона.

Сохранение традиционных представлений об этносе как группе продуцирует воспроизводство идей о несправедливости в организации жизни народов. В частности, в республиканских элитах достаточно широкое распространение имеет позиция, выраженная в Файзулиным Ф.С., который рассматривает реализацию справедливости как достижение равенства этнических групп «...от размещения производительных сил до решения проблем языка, образования, культуры, религии, обычаев, традиций и экологии» [23]. Таким образом, на уровне республиканских элит в значительной части регионов воспроизводится модель справедливости, которая включает иерархию представительства этнических групп в политической организации республики с доминирующим статусом титульного наиболее многочисленного народа, и стремление к созданию равной социальной инфраструктуры для народов – соизмеримого количества медицинских, образовательных, культурных учреждений; дорожно-транспортной инфраструктуры и пр.; обеспечение условий для развития национальных языков и традиционной культуры. Но такая модель противоречит конституционным принципам обеспечения гражданских прав, поскольку не позволяет личности реализовать свои возможности в рамках республики; это не всегда позволяет его этническая принадлежность.

Современные социальные условия в России, в том числе и в республиканском сегменте, значительно отличаются от 90-х гг. XX в., в которые формировался межэтнический контракт. Достигнута стабилизация политической системы, законодательно изменены избирательные процедуры, обеспечивающие согласование интересов федерального центра и регионов, в значительной степени реализованы претензии по вопросам признания трагических ошибок советской национальной политики (депортации народов). Постсоветский опыт открыл другую (не этнополитическую) перспективу видения проблем социально-экономического развития республик. Устарел и сам принцип этнического представительства. По оценкам экспертов население уже не видит связи депутатов из числа их «соплеменников» и интересов их этнических групп, ведь депутатов «никто не уполномочивал выступать в роли представителей этнической группы. Будучи избранными, например, по общенациональному партийному списку, они, как и другие депутаты от данной партии, представляют интересы не отдельных этнических групп, а всех избирателей, проголосовавших за партию» [24]. Сохранение этого

архаичного принципа сегодня уже воспринимается населением республик как несправедливость.

Цифровизация информационного пространства и цифровые технологии, которые пришли в систему среднего образования, оказали значительное влияние на мировоззрение молодых поколений. Значительная часть молодежи в возрасте 15–30 лет сегодня не может определить, чем именно была вызвана межэтническая напряженность в республиках, что не позволяет рационально объяснить необходимость этнической иерархии. Молодежь в целом сопротивляется традиционным аргументам. Опыт функционирования ЕГЭ свидетельствует об эффективном использовании выпускниками южных республик возможностей выбора для образования известных вузов России. Однако применение полученного образования в республиках затруднено не только слабым развитием рынка труда, но и сохранением межэтнического контракта. Более того, межэтнический контракт сегодня выступает значимым фактором, ограничивающим рынок труда, поскольку препятствует развитию свободной конкуренции. Отток образованной и предприимчивой молодежи в другие регионы России ускоряет тенденцию превращения республик в своеобразные «этнографические заповедники», что самим населением оценивается как несправедливость. Обрисованная ситуация свидетельствует о назревшей новой линии раскола в оценке справедливости достигнутого принципа межэтнических взаимодействий в республиках. Она проходит между элитой и экономически активной частью общества. В настоящее время именно элиты заинтересованы в сохранении «межэтнического контракта». Экономически активная часть общества понимает его исчерпанность. Молодежь, понимая это, предпочитает отъезд из республики в регионы, где можно реализовать свое право на личностное развитие, социальную и профессиональную мобильность, создать ресурсы для помощи семье.

Заключение

Достижение гармонизации межэтнических отношений в России рассматривается как необходимое условие укрепления и сохранения целостности страны. Основой такой гармонии выступает принцип социальной справедливости. Очевидность этого тезиса сталкивается с трудностями теоретико-методологического характера при определении формулы справедливости в межэтнических отношениях. Они вызваны исторической динамикой содержательного наполнения понимания справедливости, что требует анализа ее философско-культурологического аспекта; а также переходом к парадигме объяснения этничности как культурной идентификации. Эти теоретические проблемы имеют непосредственный выход на социально-политические практики, поскольку выступают основанием для разработки стратегической концепции решения вопросов равенства-неравенства, мобилизующих социальные массы на социальные действия. Ретроспективный анализ этнополитики в СССР в XX в. показывает, что в опыт рассмотрения справедливости как принципа регулирования отношений между народами (этносомами) при всех позитивных социально-экономических результатах оборачивается трагедией разрушения общей государственности, волной межэтнических конфликтов, сегрегацией населения по этноконфессиональному признаку. Выбор новой парадигмы объяснения этничности – ее рассмотрение как культурной идентичности и культурного многообразия общества – обосновывает перевод оценки межэтнических отношений по шкале «справедливость – несправедливость» в сферу защиты гражданских прав и свобод индивида: гарантий равенства этих прав и их реализации, независимо от этноконфессиональной и языковой идентичности. Однако многоукладность социально-экономической жизни населения России обуславливает разную скорость перехода к этим представлениям в разных регионах страны и в разных поколениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргунова, В.Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ / Аргунова В.Н. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004 – 312 с. – Текст: непосредственный.
2. Канарш, Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация / Г.Ю. Канарш. – Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011. – 236 с. – Текст: непосредственный.
3. Прокофьев, А.В. Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали / А.В. Прокофьев. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. Ун-та им. Л.Н. Толстого, 2006. – 287 с. – Текст: непосредственный.
4. Заславская, Т.И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость / Т.И. Заславская // Обратного хода нет. Перестройка в народном хозяйстве: Общие проблемы, практика, истоки / ред. Г.Х. Попов; сост. С.Н. Красавченко. – М.: Политиздат, 1989. – С. 176–189. URL: <https://archive.org/details/B-001-027-861-ALL/page/n179/mode/2up> (дата обращения: 15.10.2020). – Текст: электронный.
5. Назаров, М.М. Социальная справедливость: современный российский контекст / М.М. Назаров. – Текст: электронный // Социологические исследования. – 1999 – №11 – С. 41–49. URL: <https://archive.org/details/B-001-027-861-ALL/page/n179/mode/2up> (дата обращения: 09.09.2020).
6. Римашевская, Н.М. Равенство и справедливость / Н.М. Римашевская, А.А. Римашевский. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 186 с. – Текст: непосредственный.
7. Роулз, Дж. Справедливость как честность / Дж. Роулз. – Новосибирск: изд-во НГУ, 1995. – 535 с. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6642/6643#t10>. – Текст: электронный.
8. Гофман, А.Б. Справедливость как социологическая идея: от классики к современности / А.Б. Гофман. – Текст: электронный // Личность. Культура. Общество. 2017. – Т. XIX. № Вып.1–2. № 93–94. – С. 65–79. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/4e1/gofman.pdf> (дата обращения: 31.08.2020).
9. Ионин, Л.Г. Восстание меньшинств / Л.Г. Ионин. – М.: СПб: Университетская книга, 2012. – 237 с. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/d7gqklfwo2/direct/75416255.pdf> (дата обращения: 31.08.2020). – Текст: электронный.
10. Амелин, В.В. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / В.В. Амелин, А.Д. Бравин, Д.В. Брагина, Р.М. Валиахметов и др. / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – 480 с. URL: <https://www.isras.ru/files/File/publ/neravenstvo.pdf> (дата обращения: 17.07.2020). – Текст: электронный.
11. Файзулин, Ф.С. Проблемы социальной справедливости в полиэтничном регионе: монография / Ф.С. Файзулин. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2010. – 132 с. – Текст: непосредственный.
12. Попова, И.П. Социальная справедливость в научных дискуссиях 1990–2010-х годов / И.П. Попова. – Текст: электронный // Мир России. – 2016 – № 3 – С. 56–75. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4895/5260> (дата обращения: 17.07.2020).
13. Печерская, Н. Справедливость: между правдой и истиной (история формирования концепта в русской культуре) / Н. Печерская. – Текст: электронный // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / [под ред. Н. С. Плотникова]. – Москва: Ключ-С, 2011. – 368 с. URL:

- <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/tyubs6dmik/direct/77235075.pdf>
(дата обращения: 19.07.2020).
14. Бочкарев, Е.В. О чувстве справедливости в русском языковом сознании / Е.В. Бочкарев. – Текст: электронный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация – 2017 – Том 15 – № 2 – С. 21–29.
URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/207664724.pdf> (дата обращения: 19.07.2020).
  15. Тишков, В.А. Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина) / В.А. Тишков. – Текст: электронный // Вестник российской нации – 2018 – № 6 – С. 9–30.
URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2642.pdf> (дата обращения: 19.07.2020).
  16. Тишков, В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе / В.А. Тишков. – Текст: электронный // Этнографическое обозрение – 2020 – № 2 – С. 81–97. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2680.pdf> (дата обращения: 19.07.2020).
  17. Rotschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y., 1982.
  18. Brubaker R., Ethnicity without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 283 pp.
  19. Адиев, А.З. Распределение властных позиций в Дагестане: исследование политического представительства этнических групп в региональной власти / А.З. Адиев, Р.Ш. Курбанов. – Текст: электронный // Социум и власть – 2016 – № 4 (60) – С. 68–74.
URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27208510_90467660.pdf (дата обращения: 15.08.2020).
  20. Щербина, Е.А. Проблемы этнического представительства во власти в Карачаево-Черкесской республике в оценках и мнениях региональных экспертов / Е.А. Щербина. – Текст: электронный // Современная наука и инновации – 2017 – Вып. 4 – С. 34–42.
URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35296724_32988564.pdf (дата обращения: 15.08.2020).
  21. Казенин, К. Северный Кавказ и современная модель демократического развития / К. Казенин, И. Стародубская. – Текст: электронный // ПОЛИТ.РУ. URL: <https://polit.ru/article/2016/04/01/caucasus/#ultr003> (дата обращения: 15.08.2020).
  22. Волков, Ю.Г. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: Монография / Ю.Г. Волков, А.В. Бедрик, В.П. Войтенко, Н.А. Вялых и др. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. – 320 с. – Текст: непосредственный.
  23. Файзулин, Ф.С. Социальная справедливость как принцип стабилизации межнациональных отношений в обществе / Ф.С. Файзулин, Т.Ф. Файзулин. – Текст: электронный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки – 2014 – № 11–1 – С. 73–77. URL: <https://www.online-science.ru/userfiles/file/wvttbwhyuk3wwawpyemw3a8jdjism7i3h.pdf> (дата обращения: 15.08.2020).
  24. Фарукшин, М.Х. Политическое представительство этнических групп / М.Х. Фарукшин. – Текст: непосредственный // Вестник Российской нации – 2011 – № 4–5 (18–19) – С. 24–44.

Denisova Galina Sergeevna

Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: gsdenisova@sfnu.ru

РИИЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=76864

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=7006195531>

Social justice in inter-ethnic relations

Abstract. The article deals with the analysis of social justice as a universal value that determines the evaluation of social practices in all the spheres of social life. But the study of such an evaluation of society in the sphere of interethnic relations is faced with a number of theoretical problems. The authors show that when evaluating interethnic relations in accordance with the criterion of social justice, due to the ambiguous interpretation of their meaning, it is necessary to rely on an interdisciplinary approach. An important area of this analysis is the correlation of the theoretical understanding of ethnicity and the practice of state building in the context of the cultural diversity of the population. Two strategies for achieving social justice in the sphere of interethnic relations are shown: the building of the SU ethno-nations and the building of the RF nation with securing civil rights in the sphere of the implementation of ethno-cultural identity and providing conditions for the development of ethno-cultural diversity.

Keywords: social justice; interethnic relations; ethno-cultural identity; ethno-politics; interethnic contract; civil rights